К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ СТРУКТУРНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ РИСКОВ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХЕЛЯ*

Андрей Витальевич Коротаев
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт Африки РАН

Марат Бахтиярович Айсин
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Юлия Викторовна Зинькина
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Даниил Михайлович Романов
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Для мира в целом на ближайшие десятилетия достаточно уверенно прогнозируется снижение доли молодежи в общей численности взрослого населения в связи с тем, что в настоящее время страны мира либо находятся на завершающей фазе демографического перехода (с характерным для нее снижением рождаемости), либо уже завершили демографический переход. Это снижение прогнозируется не только для высоко развитых экономически, но и для средне- и слаборазвитых стран. Однако для отдельных стран мира в ближайшие десятилетия прогнозируется новый рост доли молодежи, то есть формирование новых «молодежных бугров». Значительное число таких стран обнаруживается как раз среди стран Афразийской зоны нестабильности и Африки южнее Сахеля. Однако к числу таких стран относится и Россия. Показано, что рост доли молодежи в общей численности взрослого населения прогнозируется в таких странах Тропической Африки, как Га-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

бон, Конго, Нигер, ЦАР, Мали, Зимбабве, ДРК, Нигерия, Бурунди, Либерия, Ангола. При этом основным фактором образования вторичных «молодежных бугров» в Тропической Африке была задержка снижения рождаемости (fertility stall), наблюдавшаяся там в конце 1990-х – 2000-х гг. В странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, а также в постсоветских странах Центральной Азии и Закавказья появление вторичных «молодежных бугров» связано с заметными периодами роста рождаемости, последовавшими за периодом ее падения в процессе второй фазы демографического перехода. В постсоветских странах Средней Азии и Закавказья рост рождаемости был связан с периодом экономического подъема 2000-х гг., пришедшего на смену катастрофическому спаду 1990-х гг. В результате многие семьи, которые откладывали рождение детей в 1990-х гг., реализовали свои родительские планы в 2000-х, обеспечив очень заметный рост рождаемости в эти годы. В России рост рождаемости был усилен специальными мерами по ее поддержке, такими как материнский капитал и т. п. (в результате в России в 2030-е гг. прогнозируется очень серьезный «молодежный бугор»). В арабских странах рост рождаемости в конце 2000-х – начале 2010-х гг. был связан прежде всего с ростом влияния исламистов. Особенно выраженно эти процессы наблюдались в большинстве стран Северной Африки, где в результате прогнозируются масштабные вторичные «молодежные бугры» (при этом в Египте и Тунисе масштаб этих новых «молодежных бугров» в некоторых отношениях даже превзойдет масштаб тех, что сформировались в этих странах накануне Арабской весны). Сам по себе «молодежный бугор» является не очень надежным предиктором социально-политической дестабилизации. Отмечается, что «молодежный бугор» оказывается достаточно сильным предиктором в сочетании, скажем, с ухудшением экономической ситуации, критически высоким уровнем безработицы, экономического неравенства или коррупции. Однако ни для одной из рассмотренных стран нельзя быть уверенными, что в них в годы выхода «молодежных бугров» на пиковые значения не будет наблюдаться что-то из перечисленного (либо даже одновременно и ухудшение экономической ситуации, и высокие уровни безработицы, экономического неравенства и коррупции).

«Молодежные бугры» как фактор социально-политической дестабилизации

Среди факторов социально-политической дестабилизации значительное внимание уже достаточно давно уделяется повышенной доле молодежи в общей численности взрослого или общего населения (так называемым «молодежным буграм»). Было отмечено, что «молодежные бугры» – относительно высокая доля молодежи (в возрасте 15–24 лет или 15–29 лет) в населении страны – влияют на интенсивность социально-политической дестабилизации вообще и политического насилия в частности (см., например: Goldstone 1991; 2002; Huntington 1996; Urdal 2004; 2006; Weber 2019). Авторы отмечают, что высокая доля молодежи в стране, особенно в сочетании с такими дестабилизирующими социальными факторами, как безработица, быстрая урбанизация, крайнее экономическое неравенство, стремительная экспансия образования, критически высокая коррупция или экономический спад, может вести к росту социально-политической нестабильности и усилению политического насилия. Например, классическая работа Дж. Голдстоуна указывает на то, что большинству революций в мировой истории предшествовало увеличение доли молодежи в общей численности населения (Goldstone 1991). Как отмечает Дж. Голдстоун, «быстрый рост [удельного веса] молодежи может подорвать существующие политические коалиции, порождая нестабильность. Большие когорты молодежи зачастую привлекают новые идеи или гетеродоксальные религии, бросающие вызов старым формам власти. К тому же, поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах. Молодежь играла важнейшую роль в политическом насилии на протяжении всей письменной истории, и наличие “молодежного бугра” (необычно высокой пропорции молодежи в возрасте 15–24 лет в общем взрослом населении) исторически коррелировало с временами политических кризисов. Большинство крупных революций… – [включая и] большинство революций XX в. в развивающихся странах – произошли там, где наблюдались особо значительные “молодежные бугры”» (Goldstone 2002: 10–11). Обращаясь к исторической перспективе, ряд исследователей указывает, что такие гло-

бальные социально-политические события, как подъем нацистского движения в Германии в 1933–1945 гг., подъем коммунистических движений в период холодной войны в 1947–1991 гг., европейский колониализм, а также Английская гражданская война в 1640–1660 гг. и Великая французская революция 1789–1799 гг., могли быть спровоцированы так называемыми «молодежными буграми» – увеличением пропорции молодежи в общей численности населения в стране (Moller 1968; Goldstone 1991; Heinsohn 2003). Другие исследователи также сообщают о том, что молодежь сыграла значительную роль во многих революционных и протестных событиях в прошлом (Moller 1968; Mesquida, Wiener 1996; Fuller 2004).

Подобные выводы релевантны также и для более современных крупномасштабных социально-политических событий. Нами, например, была показана важная роль, которую «молодежные бугры» сыграли в дестабилизационных процессах Арабской весны (Коротаев, Ходунов 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Малков и др. 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Коротаев, Зинькина 2011*а*; 2011*б*; 2012*а*; Васильев и др. 2014; Korotayev *et al.* 2011). К похожим выводам также приходит и Д. ЛаГраффе, который в своем исследовании утверждает, что появление «молодежного бугра» в Египте стало одной из причин начала Арабской весны (LaGraffe 2012). Аргументы в пользу наличия дестабилизирующего потенциала «молодежных бугров» в СССР содержатся в работе Дж. Голдстоуна, который сообщает, что такие факторы, как сложившиеся во второй половине XX в. «молодежные бугры» в социалистических странах Центральной Азии, а также увеличение количества молодых людей с техническим образованием могли являться одними из факторов заката Советского Союза (наряду с отсутствием значимого экономического роста в период 1970–1990 гг. при увеличивающейся с каждым годом пропорции городского населения) (Goldstone 2002). Р. Г. Браунгарт описывает всплеск политического насилия в Шри-Ланке в 1971 г., который сопровождался увеличением количества молодежи. При этом большинство молодых людей имели образование при высоких показателях безработицы (Braungart 1984). Следует упомянуть и, например, исследование А. С. Ходунова, который показывает, что одними из важнейших факторов роста социально-политической нестабильности

в Иранском Курдистане в 1980-х гг. были значительный «молодежный бугор» (доля молодежи в данный период оценивалась около 33,1 % от общей численности населения по результатам переписи 1976 г.), а также экономические трудности в регионе (Ходунов 2014).

К. Мескида и Н. Винер утверждают, что в странах с бóльшими «молодежными буграми» выше уровень политического насилия (Mesquida, Wiener 1996). В своем исследовании политического насилия Х. Урдал сообщает, что «молодежные бугры» являются важным предиктором интенсивности беспорядков, террористических атак и вооруженных конфликтов (Urdal 2006). Кроме того, он указывает на то, что повышенная доля молодежи имеет особо сильный эффект на увеличение интенсивности террористических атак, когда она сочетается с ухудшением экономической ситуации и массовой экспансией высшего образования. В своем исследовании политического насилия в Индии этот автор утверждает, что риск вооруженных конфликтов особенно высок, когда «молодежные бугры» сочетаются с выраженным гендерным дисбалансом (заметным превышением численности мужчин над численностью женщин), в то время как массовые беспорядки более вероятны в тех индийских штатах, где «молодежные бугры» сочетаются с более высоким уровнем экономического неравенства в городах (Urdal 2008). Несколько похожий вывод сделан в работах О. Яира и Д. Миодовника, которые утверждают, что повышенный процент молодых людей может привести к неэтническим войнам (Yair, Miodownik 2016). Однако для вооруженных этнических конфликтов им эту связь выявить не удалось. Х. Вебер также утверждает, что «молодежные бугры» являются важными предикторами политического насилия, в особенности в сочетании с безработицей и массовой экспансией образования (Weber 2019). Стоит отметить также исследование М. Фарзанеганом и С. Виттхуном эффекта взаимодействия между «молодежными буграми» и политической коррупцией (Farzanegan, Witthuhn 2017). Согласно результатам, представленным в их работе, политическая коррупция оказывает особенно сильный дестабилизирующий эффект, когда сочетается с высокой долей молодежи в общей численности взрослого населения[1].

[1] Отметим также, что некоторые авторы утверждают, что «молодежные бугры» не только являются предикторами политического насилия, но могут привести

В целом можно видеть, что рост доли молодого населения в стране, часто вместе с другими социально-экономическими и социально-политическими факторами (например, стремительным распространением образования, высокой безработицей, коррупцией и т. д.), коррелирует в разных странах и временных периодах с увеличением интенсивности процессов социально-политической дестабилизации (сопровождаемой, как правило, ростом политического насилия).

О роли «молодежных бугров» как фактора социально-политической дестабилизации в ближайшие десятилетия

В ходе глобальной модернизации «молодежные бугры» появились прежде всего в результате процессов демографического перехода (то есть, по сути своей, демографической модернизации). Демографический переход – это переход от традиционного режима воспроизводства населения, характеризующегося высокой рождаемостью и высокой смертностью, к современному режиму, характеризующемуся низкой рождаемостью и низкой смертностью (см., например: Вишневский 2006; Chesnais 1992; Caldwell *et al.* 2006; Gould 2009). Исследователи обычно выделяют две основные фазы демографического перехода. Интенсивная экономическая и социальная модернизация западных стран, начавшаяся в конце XVIII века, привела там в XIX в., на первой фазе демографического перехода, к увеличению ожидаемой продолжительности жизни, обусловленной прежде всего значительным снижением младенческой и детской смертности, что привело к росту «молодежных бугров», которые способствовали европейским революциям XIX в. (Goldstone 1991; Caldwell *et al.* 2006; Dyson 2010; Gould 2009).

к другим неблагоприятным последствиям. Например, некоторые исследователи предполагают, что высокая доля молодых людей (особенно молодых мужчин) может увеличить вероятность неудачного демократического транзита (Cincotta 2008: 11). Х. Вебер показывает, что страны с более выраженными «молодежными буграми» более склонны к авторитаризму, поскольку молодые мужчины более склонны к политическому насилию (Weber 2013). Комментируя другие негативные последствия «молодежных бугров», Р. Нордас и К. Давенпорт отмечают, что интенсивность политических репрессий выше в обществах с высокой долей молодежи (Nordås, Davenport 2013).

В 1870–1920 гг. страны Западной Европы постепенно переходили к следующему этапу демографического перехода, а именно к переходу рождаемости. На этом этапе уровень рождаемости значительно снижался, что привело к увеличению медианного возраста и (с определенным отставанием) к уменьшению доли молодежи в общей численности взрослого населения. Та же логика применима и к большинству развивающихся стран после Второй мировой войны. После Второй мировой войны глобальное внедрение современных медицинских средств и технологий (особенно антибиотиков) привело к очень заметному снижению смертности во всех развивающихся странах, большинство из которых, таким образом, довольно быстро (зачастую еще до 1960-х гг.) прошли первую фазу демографического перехода, что привело к значительному увеличению доли молодежи среди взрослого населения (Preston 1979; Dyson 2010; Korotayev, Goldstone, Zinkina 2015; Gould 2009). С 1960-х гг. развивающиеся страны начали переходить ко второй фазе демографического перехода. Как было отмечено выше, дальнейшая модернизация социальных систем приводит к снижению рождаемости – например, в результате урбанизации или распространения образования, особенно среди женщин, поскольку образованные женщины, как правило, контролируют свою фертильность гораздо эффективнее, чем необразованные. Как и ранее в Европе, в большинстве развивающихся стран это привело в последние десятилетия к началу старения населения, увеличению медианного возраста и (с некоторым отставанием) к уменьшению доли молодежи в общей численности взрослого населения (см., например: Коротаев 2015; Goldstone *et al.* 2015).

В результате в последние десятилетия наблюдается достаточно устойчивая тенденция к уменьшению доли молодежи в общей численности населения, и эта тенденция уверенно прогнозируется на ближайшие десятилетия. Важно отметить, что данная тенденция уверенно прослеживается не только для развитых, но и для развивающихся стран, наиболее отставших в демографическом переходе (см. Рис. 1).

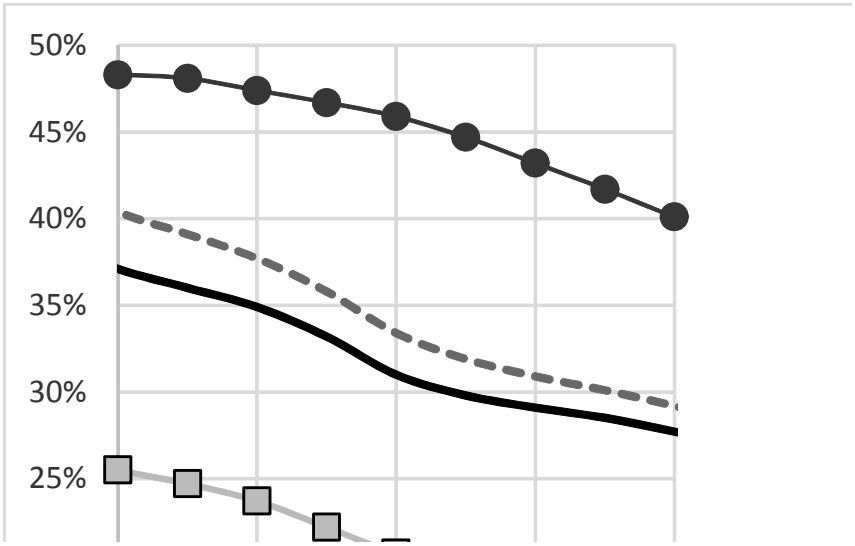

Рис. 1. Доля молодежи (в возрасте 15–29 лет) в общей численности взрослого населения (15+) в мире, более развитых регионах, менее развитых регионах и наименее развитых странах, 2000–2020 гг., со средним прогнозом до 2040 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

Но это не значит, что «молодежные бугры» в настоящее время представляют лишь исключительно исторический интерес. Как мы увидим ниже, в демографической динамике целого ряда стран в ближайшие десятилетия прогнозируется достаточно заметный рост доли молодежи, что может иметь достаточно заметные политико-демографические последствия.

Прогнозы динамики доли молодежи в общей численности населения для стран Афразийской зоны нестабильности и Африки южнее Сахеля

В настоящем разделе мы постараемся выяснить, в каких странах Афразийской зоны нестабильности, а также Африки южнее Сахеля

в ближайшее десятилетие ожидаются наиболее выраженные «молодежные бугры»[2].

Несмотря на то, что доля молодежи в численности взрослого населения на данный момент идет на спад, в целом ряде интересующих нас стран ожидаются вполне заметные «молодежные бугры». Рассмотрим те страны Афразийской зоны нестабильности и Африки южнее Сахеля, в которых до 2050 г. ожидаются периоды роста доли молодежи в общей численности населения. Приведем наши расчеты, сделанные нами на основе среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (см. Табл. 1):

Табл. 1. Страны Афразийской зоны и Африки южнее Сахеля, где в период до 2050 г. ожидаются вторичные «молодежные бугры»[3]

Страна	Год начала «молодежного бугра»	Доля молодежи на год начала	Год пика	Доля молодежи на год пика	Прирост между началом и пиком[4]
Россия	2025	18,60 %	2040	23,17 %	24,54 %
Казахстан	2025	26,79 %	2035	32,96 %	23,05 %
Алжир	2025	29,20 %	2035	33,13 %	13,47 %
Киргизия	2025	33,26 %	2035	35,94 %	8,04 %
Армения	2025	22,33 %	2035	24,01 %	7,52 %
Сирия	2030	30,82 %	2040	33,09 %	7,35 %
Грузия	2025	21,71 %	2030	22,97 %	5,82 %
Туркменистан	2025	32,37 %	2035	34,19 %	5,62 %
Габон	2025	38,13 %	2035	40,18 %	5,36 %
Оман	2030	27,30 %	2035	28,64 %	4,90 %
Иран	2025	25,51 %	2035	26,73 %	4,77 %
Азербайджан	2025	25,25 %	2035	26,44 %	4,70 %
Таджикистан	2025	38,46 %	2035	40,14 %	4,39 %
Египет	2025	35,86 %	2035	37,21 %	3,76 %
Тунис	2025	25,99 %	2035	26,95 %	3,67 %
Эритрея	2020	45,32 %	2030	46,76 %	3,19 %
Конго	2020	44,66 %	2030	45,69 %	2,31 %

[2] Мы также рассмотрим прогноз интересующего нас показателя для России.

[3] Прогнозируемая динамика доли молодежи в возрасте 15–29 лет во взрослом населении (от 15 лет); без учета мелких островных государств.

[4] В процентных пунктах.

Окончание Табл. 1

Страна	Год начала «молодежного бугра»	Доля молодежи на год начала	Год пика	Доля молодежи на год пика	Прирост между началом и пиком[5]
Узбекистан	2030	31,03 %	2035	31,73 %	2,25 %
Израиль	2020	29,85 %	2030	30,47 %	2,09 %
Бахрейн	2025	27,65 %	2030	28,16 %	1,84 %
Нигер	2020	52,14 %	2030	53,07 %	1,77 %
Центрально-Африканская Республика	2020	52,71 %	2025	53,58 %	1,65 %
Мали	2020	50,82 %	2025	51,57 %	1,47 %
Зимбабве	2020	47,74 %	2030	48,39 %	1,36 %
Экваториальная Гвинея	2020	45,92 %	2025	46,45 %	1,14 %
Объединенные Арабские Эмираты	2030	29,60 %	2035	29,89 %	1,00 %
Саудовская Аравия	2025	26,87 %	2035	27,13 %	0,97 %
Демократическая Республика Конго	2020	48,70 %	2030	49,17 %	0,97 %
Нигерия	2020	47,29 %	2030	47,69 %	0,85 %
Бурунди	2025	48,10 %	2030	48,21 %	0,23 %
Либерия	2020	46,18 %	2025	46,28 %	0,21 %
Ангола	2020	50,17 %	2025	50,26 %	0,17 %

Примечание: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела Народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

Нетрудно видеть, что новые «молодежные бугры» (периоды роста доли молодежи в численности взрослого населения) на период до 2050 г. прогнозируются в трех основных группах стран.

Во-первых, это некоторые страны Африки – как Сахельской зоны, так и южнее Сахеля (Нигер, Нигерия, Габон, Зимбабве, Эритрея, ДРК, Мали, Конго, Бурунди и т. д.); при этом в Нигере

[5] В процентных пунктах.

даже не закончилось формирование первого «молодежного бугра»[6], см. Рис. 2.

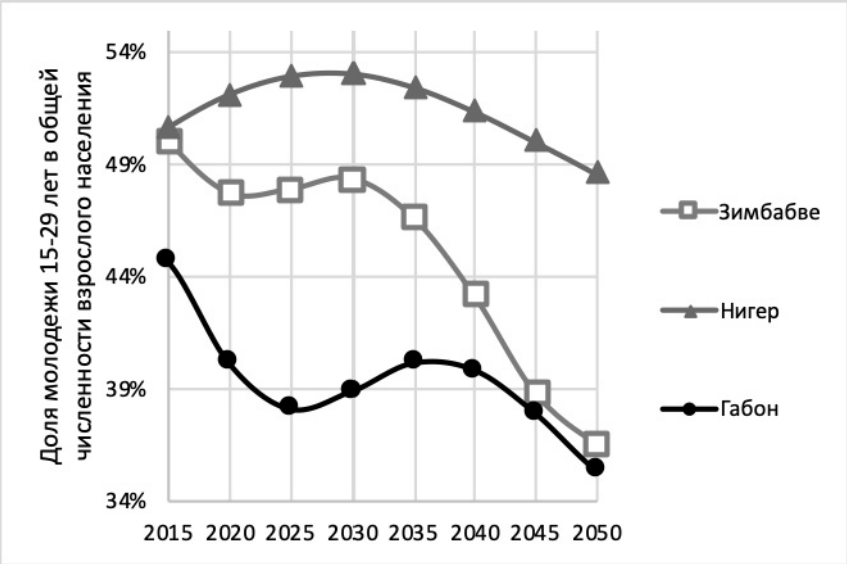

Рис. 2. Динамика доли молодежи в возрасте 15–29 лет в общей численности взрослого населения (15+) Зимбабве, Габона и Нигера, %, на период 2015–2020 гг. с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

Во-вторых, это целый ряд стран Ближнего и Среднего Востока (Сирия, Иран, Оман, Саудовская Аравия, Израиль, Бахрейн, Афганистан, ОАЭ, Иордан и Пакистан) и все страны Северной Африки (Алжир, Египет, Тунис, Ливия, Марокко), см. Рис. 3.

[6] При этом стоит отметить, что, по всем прогнозам, доля молодежи в численности взрослого населения в странах Тропической Африки будет оставаться (при общей тенденции к убыванию) на очень высоких уровнях. Соответственно и структурно-демографические риски социально-политической дестабилизации будут оставаться здесь очень высокими (ср.: Гринин 2020).

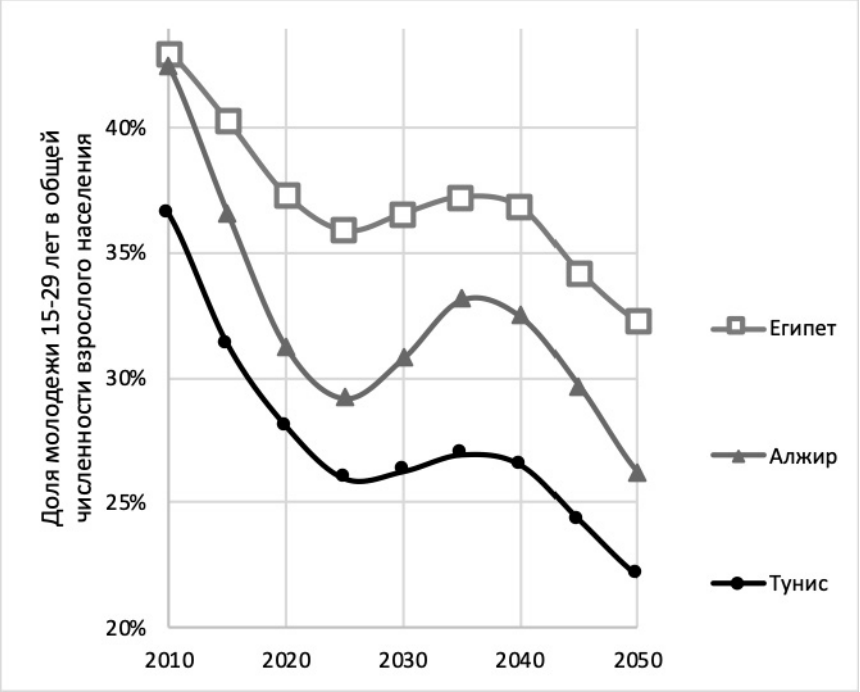

Рис. 3. Динамика доли молодежи в возрасте 15–29 лет в общей численности взрослого населения (15+) Египта, Алжира и Туниса, %, на период 2010–2020 гг. с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

В-третьих, это все страны постсоветского пространства, входящие в Афразийскую зону нестабильности (Центральная Азия и Закавказье). В некоторых отношениях в эту группу попадает и Россия. Примеры представлены на Рис. 4–5.

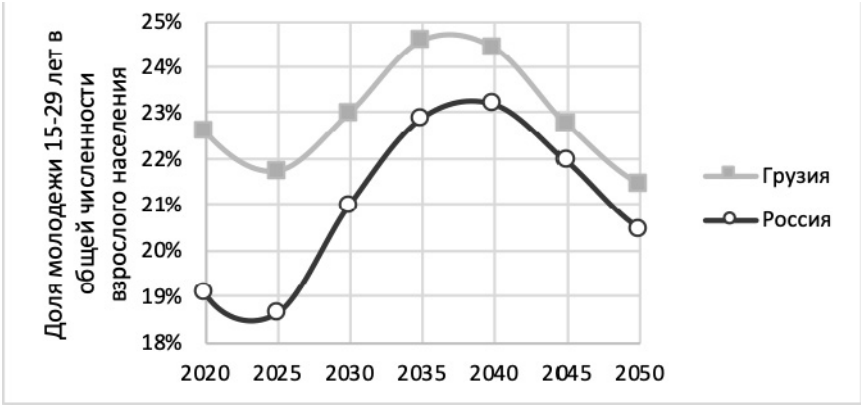

Рис. 4. Прогноз динамики доли молодежи в возрасте 15–29 лет в общей численности взрослого населения (15+) России и Грузии, %, на период до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

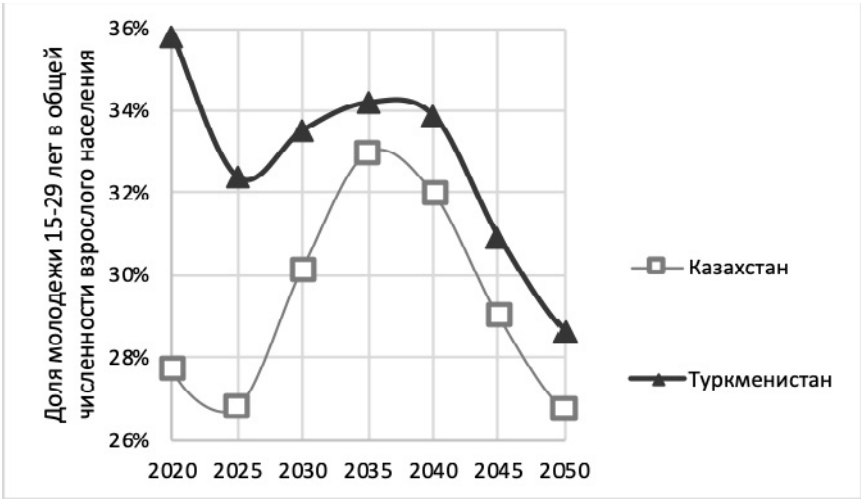

Рис. 5. Прогноз динамики доли молодежи в возрасте 15–29 лет в общей численности взрослого населения (15+) Казахстана и Туркменистана, %, на период до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

С чем же связано то обстоятельство, что в столь большом числе стран рассматриваемой нами зоны в ближайшие десятилетия прогнозируется появление новых «молодежных бугров»? Ответ на этот вопрос будет достаточно сильно различаться для трех выделенных выше групп стран.

Страны Африки южнее Сахары

В странах Африки южнее Сахары появление вторичных «молодежных бугров» связано прежде всего с периодами задержки снижения рождаемости, наблюдавшимися в этих странах в конце 1990-х и в 2000-х гг.

Это явление более распространено в Тропической Африке, чем в других регионах развивающегося мира. Следует отметить, что «пронаталистская» культура Тропической Африки и столь значительное отставание этого региона в переходе к рождаемости не могут быть объяснены какой-либо одной конкретной причиной. Эти явления основаны на социальных, технологических, культурных традициях и тенденциях традиционной экономической системы и социальных отношений, которые привели к «сопротивлению» Тропической Африки факторам, снижающим рождаемость.

Прекращение или сильное замедление снижения рождаемости задолго до окончания второй фазы демографического перехода и выхода на уровень простого воспроизводства населения наблюдалось как минимум в 20 из 25 стран региона начиная с середины 1990-х гг. Еще в четырех странах – Уганде, Мали, Нигере и Чаде, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. рождаемость также не снижалась, поскольку вторая фаза демографического перехода в этих четырех странах в то время еще не началась.

Анализ влияния различных факторов на замедление, а во многих случаях и прекращение снижения рождаемости в середине – второй половине 90-х гг. XX в. во многих странах Тропической Африки, продолжавшееся как минимум до середины 2000-х гг., показал следующее. В числе факторов, способствовавших прекращению снижения рождаемости, по всей видимости, следует назвать эпидемию ВИЧ, вызвавшую повышение младенческой и детской смертности, а также «перетянувшую» на себя значительную долю международной помощи, которая прежде выделялась в том числе на поддержку программ планирования семьи. В то же время эко-

номические факторы (такие как динамика ВВП на душу населения и душевого потребления продовольствия) слабо влияли на динамику рождаемости в этот период. Представляется, что заметное влияние оказало внедрение во многих странах программ структурной перестройки (*structural adjustment programs*), одним из следствий которых стало прекращение роста охвата детей, в том числе девочек, школьным образованием из-за сокращения бюджетных расходов на него (подробнее об этом см., например: Зинькина, Коротаев 2013*а*; 2013*б*; 2017; Коротаев, Зинькина 2012*б*; 2013; 2014; Lutz *et al.* 2015; Goujon *et al.* 2015; Korotayev, Zinkina 2014; 2015; Zinkina, Korotayev 2014*a*; 2014*b*; Kebede *et al.* 2019).

Афразийская зона к северу от Сахары

В странах Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, а также в постсоветских странах Центральной Азии и Закавказья появление вторичных «молодежных бугров» было связано с заметными периодами роста рождаемости, последовавшими за периодом ее падения в процессе второй фазы демографического перехода[7] (см. Табл. 2).

Табл. 2. Страны Ближнего и Среднего Востока (БСВ), Северной Африки, Центральной Азии и Закавказья, где после 2000 г. наблюдались периоды значительного увеличения рождаемости

№	Страна	Год начала роста рождаемости	Рождаемость в год начала		Год пика рождаемости	Рождаемость в год пика		Прирост между началом и пиком	
			СКР[8]	ОКР[9]		СКР	ОКР	СКР	ОКР
1	Казахстан	2000	1,8	14,92	2008	2,7	22,75	0,9	7,83
2	Алжир	2003	2,405	19,557	2017	3,045	24,846	0,64	5,289
3	Россия	2006	1,305	10,4	2015	1,777	13,3	0,472	2,9

[7] Это не вполне относится к России, закончившей вторую фазу демографического перехода еще в 1960-е гг. (Вишневский 2006).

[8] СКР = суммарный коэффициент рождаемости (детей на женщину).

[9] ОКР = общий коэффициент рождаемости (число живорождений на 1000 человек).

Окончание Табл. 2

№	Страна	Год начала роста рождаемости	Рождаемость в год начала		Год пика рождаемости	Рождаемость в год пика		Прирост между началом и пиком	
			СКР	ОКР		СКР	ОКР	СКР	ОКР
4	Грузия	2003	1,599	11,875	2018	2,06	13,472	0,461	1,597
5	Египет	2007	3,037	25,393	2015	3,436	28,182	0,399	2,789
7	Иран	2008	1,811	17,823	2018	2,137	18,783	0,326	0,96
8	Туркмени-стан	2007	2,672	23,507	2014	2,956	26,418	0,284	2,911
9	Тунис	2006	1,999	16,664	2015	2,251	18,707	0,252	2,043
10	Узбекистан	2005	2,36	20,38941	2009	2,53	23,39917	0,17	3,00976
11	Ливан	2009	1,938	15,982	2017	2,097	17,67	0,159	1,688
12	Израиль	2006	2,88	21	2010	3,03	21,8	0,15	0,8
13	Армения	2002	1,635	13,208	2018	1,755	13,987	0,12	0,779
15	Азербайджан	2003	1,9	13,8	2005	2	16,9	0,1	3,1
16	Оман	2010	2,873	21,676	2016	2,937	20,292	0,064	-1,384
18	Марокко	2008	2,547	21,105	2013	2,571	20,964	0,024	-0,141
19	Таджикистан	2009	3,596	31,276	2016	3,618	31,822	0,022	0,546
21	Киргизия	2018	3,3	27,1	2018	3,3	27,1	0	0

Источник данных: World Bank 2020.

Постсоветские страны Средней Азии и Закавказья

В постсоветских странах Средней Азии и Закавказья рост рождаемости был связан с периодом экономического подъема 2000-х гг., пришедшего на смену катастрофическому спаду 1990-х. В результате многие семьи, которые откладывали рождение детей в 1990-х гг., реализовали свои родительские планы в 2000-х, обеспечив очень заметный рост рождаемости в эти годы (см., напри-

мер: Рахметова, Абенова 2018; Абенова, Ибрагимова 2015) (см. Рис. 6–7):

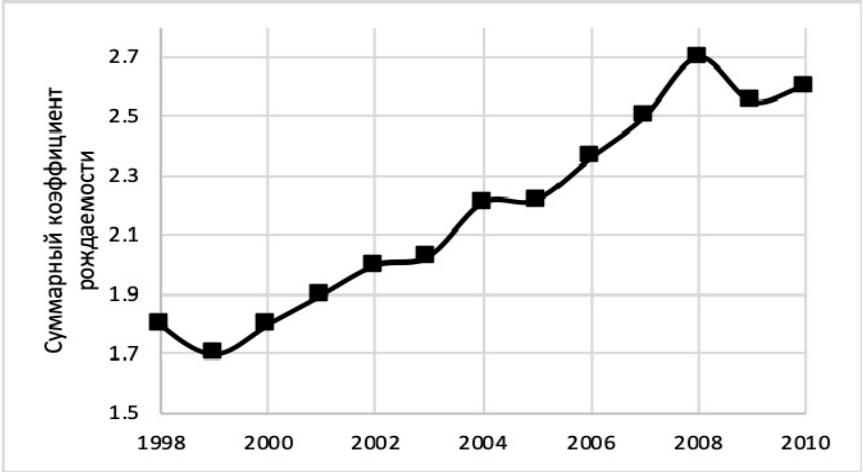

Рис. 6. Суммарный коэффициент рождаемости в Казахстане с 1998 по 2010 г.

Источник данных: World Bank 2020.

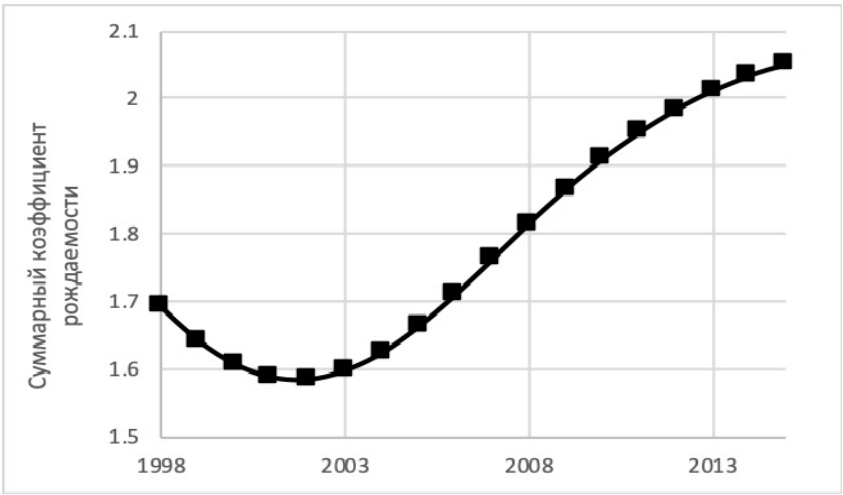

Рис. 7. Суммарный коэффициент рождаемости в Грузии с 1998 по 2015 г.

Источник данных: *Ibid.*

В России рост рождаемости был усилен специальными мерами по ее поддержке, такими как материнский капитал и т. п. (см., например: Архангельский и др. 2014; 2017; Arkhangelsky 2015). См. Рис. 8.

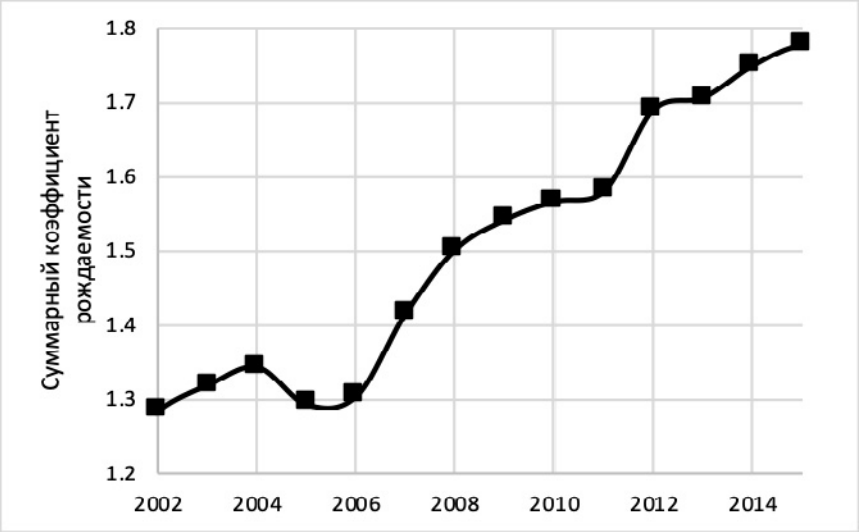

Рис. 8. Суммарный коэффициент рождаемости в России с 2002 по 2015 г.

Источник данных: World Bank 2020.

Страны БСВ и Северной Африки

Египет

Рост рождаемости, наблюдавшийся в странах БСВ и Северной Африки в начале 2010-х гг., был особенно подробно рассмотрен к настоящему времени применительно к Египту.

По данным Медико-демографических исследований (*Demographic and Health Surveys*), между 2008 и 2014 г. суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в Египте увеличился с 3,0 до 3,5 ребенка на одну женщину, вернувшись к значениям 2000 г. Говоря о динамике рождаемости за более длительный период, можно отметить, что СКР достиг своего самого низкого значения с 1990 г. в 2005 г. (3,05 ребенка на женщину), после чего к 2007 г. вырос до 3,28 ребенка на женщину, а к 2013 г. – до 3,55 ребенка на женщину, выйдя примерно на уровень 1998 г. (Radovich *et al.* 2018).

С 2005 г. рост рождаемости (с 2,5 до 3,0 ребенка на женщину) наблюдался у женщин с высоким уровнем образования, с 2008 г. – среди женщин всех образовательных уровней. Рост рождаемости в 2008–2014 гг. наблюдался также во всех возрастных группах, но был особенно выраженным в группе женщин 20–24 лет, а также среди женщин 25–29 лет (Goujon, Al Zalak 2018). При этом рождаемость у женщин в сельской местности выросла с 3,26 в 2006 г. до 3,78 ребенка на женщину в 2013 г., что было самым высоким значением с 2001 г. Рождаемость в городах, составлявшая 3,04 в 2006–2007 гг., снизилась до менее 3 детей на женщину к 2011–2012 гг., после чего снова выросла в 2013 году до 3,15 ребенка на женщину. В целом в городских мухафазах (провинциях), в том числе в Каире и Александрии, рост рождаемости был значительно менее выраженным, чем в сельской местности, и практически отсутствовал в городах Нижнего Египта. Что касается динамики рождаемости у женщин с различным уровнем образования, здесь также наблюдались различия. У женщин с образованием ниже полного среднего рождаемость выросла с 3,25 ребенка на женщину в 2006 г. до 3,65 в 2010 г., после чего немного снизилась; у женщин с образованием не ниже полного среднего она возрастала с 3,0 в 2003 г. до 3,68 в 2013 г., оказавшись выше, чем у женщин с более низкими уровнями образования (Radovich *et al.* 2018).

Некоторые исследователи утверждают, что рост рождаемости могут объяснить рост неполной занятости, падение спроса на рабочую силу, которое для женщин чаще, чем для мужчин, оказывается связанным с сокращением участия в рабочей силе, а не просто увеличением безработицы (Assaad, Krafft 2013; 2015), трудоустройство в неформальном секторе или семейном деле, в том числе в сельском хозяйстве (Courbage 2015), а также перенос рождений на более раннее время женщинами с высоким уровнем образования, которым не хватало возможностей трудоустройства на рынке труда (Goujon, Al Zalak 2018). Однако следует отметить, что уровень женского участия в рынке труда в Египте традиционно остается очень низким – 30 % в 2014 г. Соответственно, проблема безработицы, уровень которой для женщин составил 25 % в 2014 г., затрагивала всего 7,5 % женщин трудоспособных (и фертильных) возрастов, то есть ее влияние на рождаемость было небольшим. Пред-

ставляется логичным, что на рождаемость влияла не только проблема безработицы, но отчасти и неучастие в рынке труда, но все же целиком атрибутировать рост рождаемости динамике женского трудоустройства и участия в рынке труда вряд ли логично, поскольку оно в целом оставалось традиционно низким.

При этом представляется целесообразным включить в рассмотрение фактор роста влияния исламистов во время нахождения в Египте у власти «Братьев-мусульман». Традиционность египетского общества (в том числе в значительной степени религиозный традиционализм, а также традиционные взгляды на семью и деторождение) действительно играет свою роль. С учетом этого можно предложить следующее объяснение. В начале 2010-х гг. многие семьи стали иметь больше детей в результате распространения традиционных взглядов среди населения, что выразилось в приходе к власти «Братьев-мусульман» в 2011–2012 гг. Приход к власти более консервативной группы совпал не просто с прекращением роста, но даже с некоторым снижением использования средств контрацепции (доля замужних женщин, использующих какое-либо средство контрацепции, снизилась с 60,3 % в 2008 г. до 58,6 % в 2014 г., а использующих какое-либо современное средство контрацепции – с 57,6 % до 56,9 % соответственно). В качестве вероятной причины снижения можно предположить сокращение бюджетных программ по обеспечению программ планирования семьи на фоне финансового кризиса и общего нежелания правительства сокращать число рождаемых детей в семьях. Это подтверждается многочисленными фактами из политики «Братьев-мусульман» – в период нахождения у власти они предлагали, в частности, пересмотреть участие Египта в международных конвенциях по правам женщин и детей, выступали против внесенных в семейный кодекс поправок 2000 г., нацеленных на расширение прав женщин при расторжении брака, резко критиковали различные институты обеспечения прав женщин (в частности, обвиняя в коррумпированности и получении подозрительного зарубежного финансирования Национальный совет материнства и детства и Национальный женский совет, который до Арабской весны возглавляла супруга президента Сьюзан Мубарак) и т. д. (Van Raemdonck 2015).

Необходимо также иметь в виду, что подъем влияния исламистов начался еще до 2011 г. Приход «Братьев-мусульман» к власти в июне 2012 г. в Египте был результатом длительного процесса усиления их влияния снизу, принесшего еще до 2011 г. такие осязаемые результаты, как практически полную ликвидацию в АРЕ проституции, процветавшей в Египте бóльшую часть XIX–XX вв., переход к соблюдению исламского дресс-кода подавляющим большинством египетских мусульманок даже в крупнейших городах (чего не наблюдалось еще в 1970-е гг.), прекращение торговли алкоголем в подавляющем большинстве населенных пунктов и городских кварталов[10] Египта (при отсутствии официального запрета сверху).

Отметим, что период кануна Арабской весны и начала 2010-х гг. сопровождался укреплением влияния исламистов во всех странах Северной Африки и во многих арабских странах Азии (см., например: Grinin *et al.* 2019), с чем, на наш взгляд, и связан период существенного роста рождаемости в этих государствах.

Как уже отмечалось выше, этот всплеск рождаемости и сгенерировал те «молодежные бугры», которые уверенно прогнозируются в этих странах на 2030-е гг.

Стоит заметить, что, скажем, прогнозируемый для Египта рост доли молодежи в возрасте от 15 до 29 лет (в общей численности взрослого населения) с 23,45 % в 2025 г. до 26,85 % в 2040 г. не представляется впечатляющим. Однако, как мы видим ниже, за этим внешне невыразительным «бугорком» стоит новое стремительное ускорение темпов роста молодежи в Египте в конце 2020-х – начале 2030-х гг. (см. Рис. 9).

[10] За исключением зон заметного присутствия иностранных граждан.

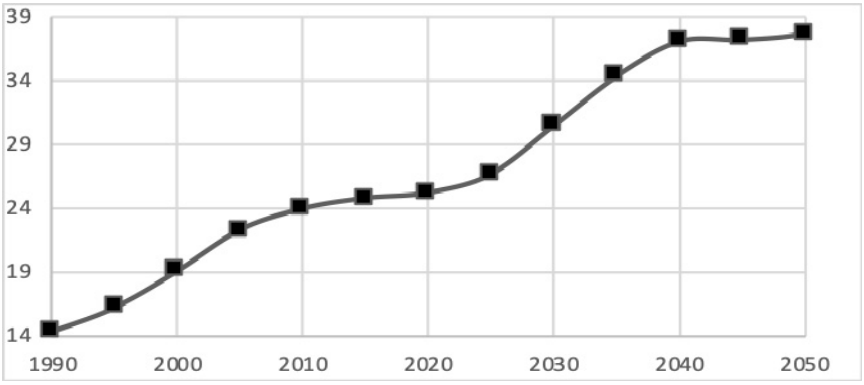

Рис. 9. Динамика численности молодежи в возрасте от 15 до 29 лет в Египте с 1990 по 2020 г., с прогнозом до 2050 года, млн

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

При этом особо впечатляюще выглядит прогноз динамики темпов прироста численности этой молодежной возрастной группы (см. Рис 10):

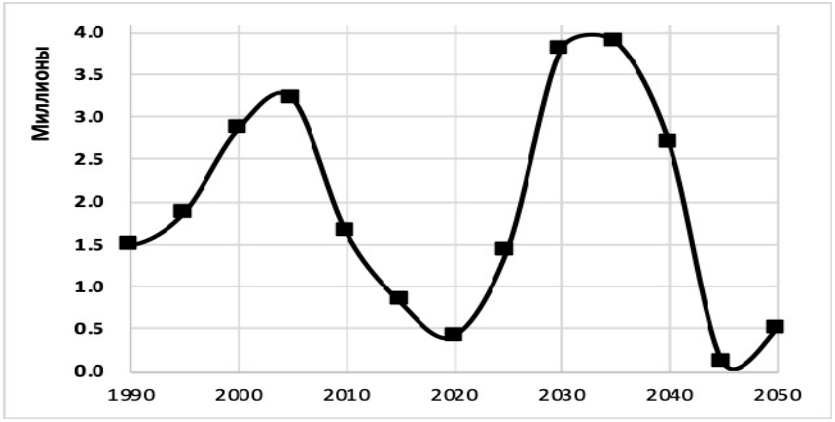

Рис. 10. Динамика темпов прироста численности молодежи в возрасте от 15 до 29 лет в Египте с 1990 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г., млн за пять лет

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

Как мы видим, темпы прироста численности молодежи в Египте в 2030-х гг. превысят до того рекордные темпы 2000-х гг., внесшие заметный вклад в генезис Арабской весны в Египте.

Отметим, что нами ранее было показано, что в развитии событий Арабской весны особую роль сыграл рост доли молодежи в возрасте 20–29 лет в общей численности населения (Коротаев, Зинькина 2011*а*; 2011*б*; 2012*а*; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012)[11]. Действительно, именно этот показатель оказался наиболее выраженным предиктором Арабской весны (см. Рис. 11):

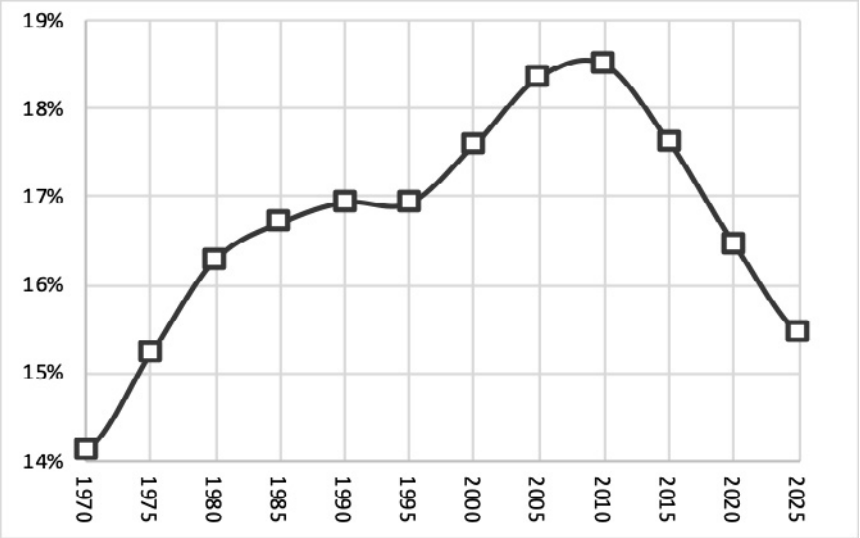

Рис. 11. Динамика доли молодежи (20–29 лет) в общей численности населения региона Ближнего Востока – Северной Африки (БВСА), %%, 1965–2015 гг. с прогнозом до 2025 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

По всей видимости, неслучайно, что свою роль в Арабской весне сыграл именно этот показатель. Действительно, в современном ми-

[11] Отметим, что данная операционализация «молодежного бугра» была принята и П. Турчиным (Turchin 2013; 2016; Turchin, Korotayev 2020).

ре как в высокоразвитых, так и в среднеразвитых[12] странах молодежь в возрасте 20–29 лет – это молодежь, заканчивающаяся образование и начинающая поиск квалифицированной работы на рынке труда. Стремительный рост численности этой когорты может приводить в результате в среднеразвитых обществах к особо мощным дестабилизационным эффектам[13]. Как мы видим, в Египте своего пика доля молодежи в возрасте 20–29 лет в общей численности достигла именно накануне Арабской весны (см. Рис. 12).

[12] А большинство арабских стран можно отнести именно к разряду среднеразвитых.

[13] При этом свою роль может играть именно доля молодежи в общей численности всего населения, а не просто взрослого населения. Отметим, что, например, С. Хантингтон (Huntington 1996) или П. Коллиер и А. Хоффлер (Collier, Hoeffler 2004) рассматривали в качестве дестабилизирующего параметра именно долю молодежи в общей численности населения, однако в дальнейшем Х. Урдал (Urdal 2004) обратил внимание на то, что это вроде бы нивелирует роль молодежи в обществах с особо высокой рождаемостью, так как там доля молодежи в общей численности населения оказывается относительно низкой из-за очень большой численности малолетних детей (притом что последняя, казалось бы, вряд ли может играть какую-то стабилизирующую роль). В дальнейшем операционализация Х. Урдала получила крайне широкое распространение (см., например: Nordås, Davenport 2013; Farzanegan, Witthuhn 2017) и стала преобладать. Однако, на наш взгляд, операционализация Хантингтона – Коллиера – Хоффлер тоже имеет право на существование. Действительно, как отмечает Дж. Голдстоун, «поскольку большинство молодых людей имеют меньше обязательств в плане семьи и карьеры, они относительно легко мобилизуются для участия в социальных или политических конфликтах» (Goldstone 2002: 11). Однако в обществах с очень большой рождаемостью молодые люди будут иметь очень серьезные семейные обязательства даже до вступления в брак из-за наличия у них очень большого числа малолетних братьев и сестер. По-настоящему большое число свободных от семейных обязательств молодых людей появляется, когда на смену периоду повышенной рождаемости приходит период ее заметного снижения, в результате чего на относительно большое число молодых людей приходится не только относительно малое число старших взрослых, но и относительно малое число детей (то есть младших сестер и братьев многочисленных молодых людей). Такая ситуация и будет соответствовать особо высокой доли молодежи в численности именно всего населения, а не только взрослого населения. Таким образом, операционализация «молодежного бугра» Хантингтоном – Коллиером – Хоффлер оказывается не менее оправданной, чем операционализация Урдала.

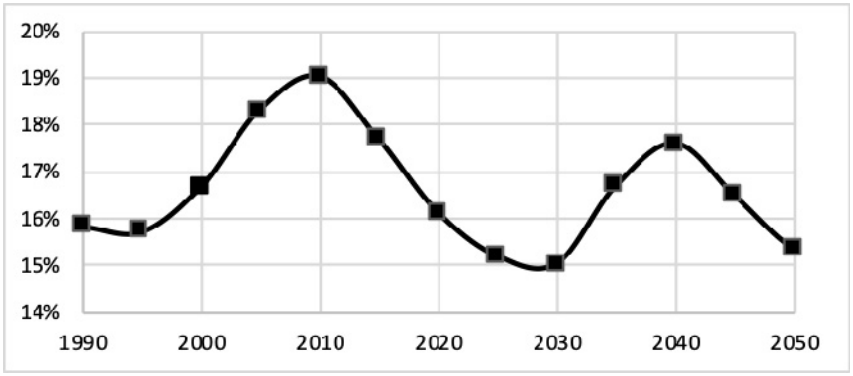

Рис. 12. Доля молодежи в возрасте 20–29 лет в общей численности населения в Египте с 1990 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

Как мы видим на Рис. 12, своего следующего пика этот показатель достигнет в 2040 г. Но при этом темпы прироста численности молодежи этой возрастной группы достигнут пика уже в 2035 г. и масштабы этого роста превзойдут то, что происходило накануне Арабской весны – см. Рис. 13.

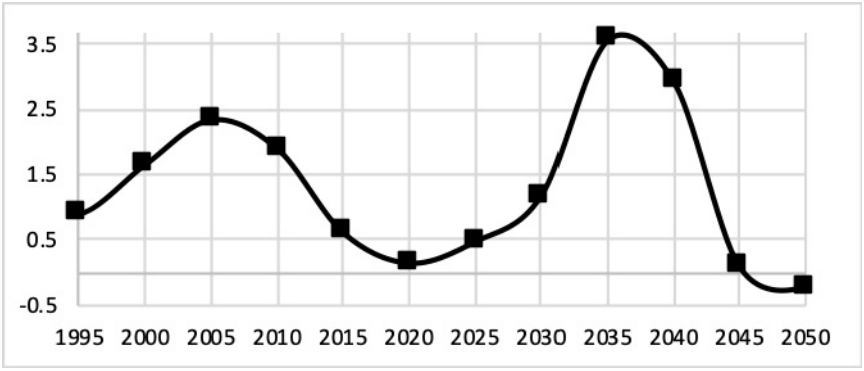

Рис. 13. Динамика темпов прироста численности молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в Египте с 1995 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г., млн за пять лет

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

Другие страны Северной Африки

Ощутимый вторичный «молодежный бугор» в этой операционализации прогнозируется в 2030-е гг. и в Тунисе (см. Рис. 14):

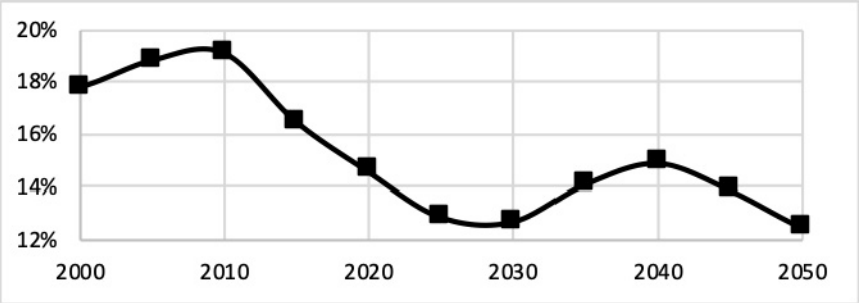

Рис. 14. Доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в общей численности населения в Тунисе с 2000 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

При этом и в Тунисе масштабы прироста численности молодежи 20–29 лет в 2030-е гг. превзойдут то, что происходило там накануне Арабской весны (см. Рис. 15):

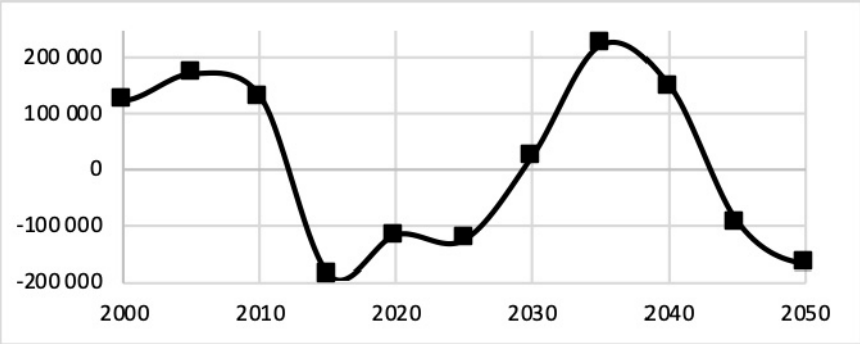

Рис. 15. Динамика темпов прироста численности молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в Тунисе с 2000 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г. (человек за пятилетие)

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

Ощутимый вторичный «молодежный бугор» (операционализируемый как доля молодежи 20–29 лет в общей численности населения) прогнозируется в 2030-е гг. и в Марокко (см. Рис. 16):

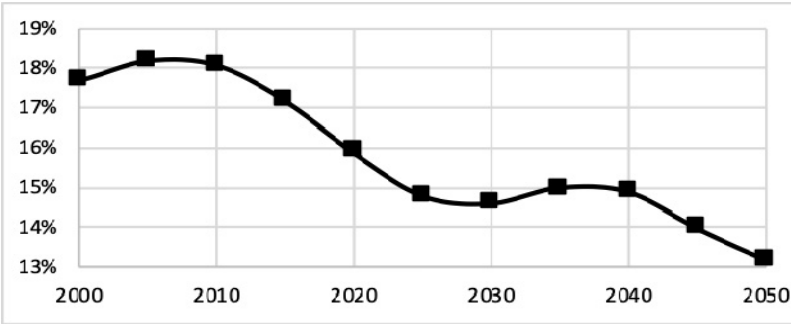

Рис. 16. Доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в общей численности населения в Марокко с 2000 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

При этом и в Марокко масштабы прироста численности молодежи 20–29 лет в 2030-е гг. превзойдут там то, что происходило накануне Арабской весны (см. Рис. 17):

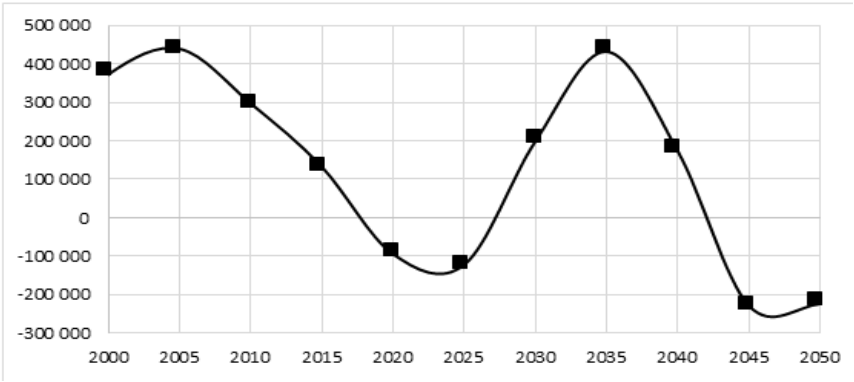

Рис. 17. Динамика темпов прироста численности молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в Марокко с 2000 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

Как мы могли видеть выше (см. Табл. 1), выраженный вторичный «молодежный бугор» прогнозируется в 2030-е гг. и для Алжира. Таким образом, нельзя исключить в 2030-е гг. новой дестабилизационной волны в Северной Африке, которая явится своего рода отголоском волны роста влияния исламистов в конце 2000-х – начале 2010-х гг.

Средний Восток

Говоря о странах Среднего Востока, стоит особое внимание обратить на Афганистан, где до 2030 г. будет продолжаться рост первичного «молодежного бугра» (см. Рис. 18):

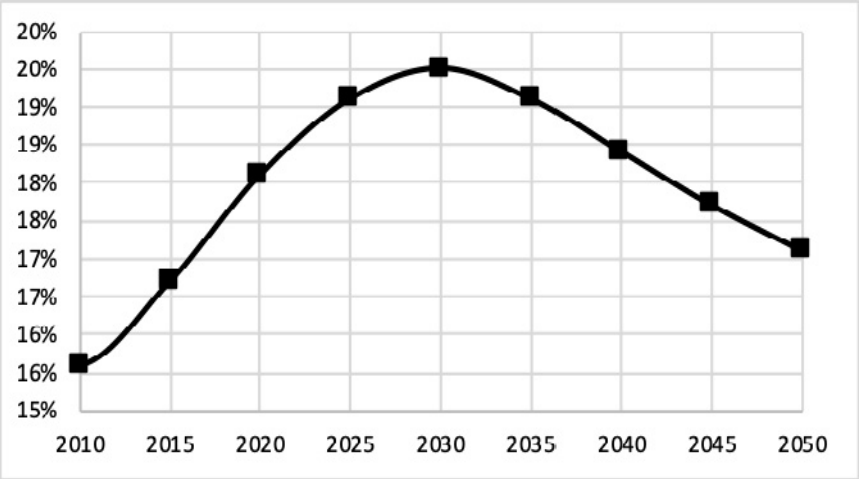

Рис. 18. Доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в общей численности населения в Афганистане с 2010 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

Достаточно выраженный вторичный «молодежный бугор» ожидается в районе 2040 г. в Иране (см. Рис. 19):

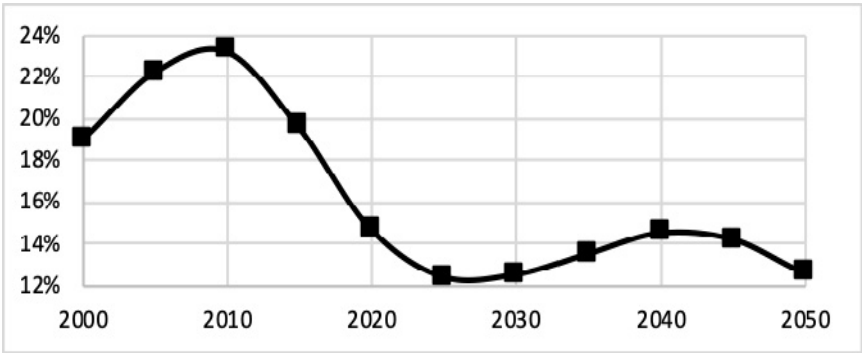

Рис. 19. Доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в общей численности населения в Иране с 2000 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

При этом темпы роста численности молодежи в возрасте 20–29 лет к 2040 г. в Иране приблизятся к тем, что наблюдались здесь в 2000-е гг. накануне революционного эпизода, известного под названием «Зеленое движение» (Филин 2015) (см. Рис. 20):

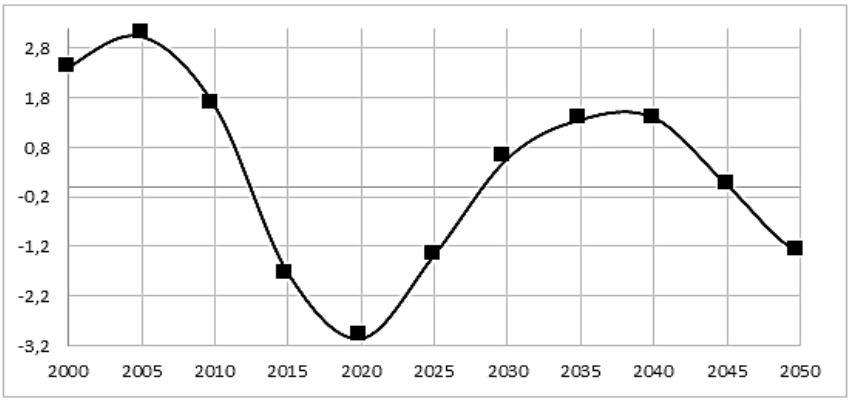

Рис. 20. Динамика темпов прироста численности молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в Иране с 1990 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г., млн за 5 лет

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

Постсоветское пространство

Из постсоветских стран Афразийской зоны нестабильности отметим выраженные вторичные «молодежные бугры» в Грузии и Казахстане, прогнозируемые на 2030-е гг. (см. Рис. 21–24):

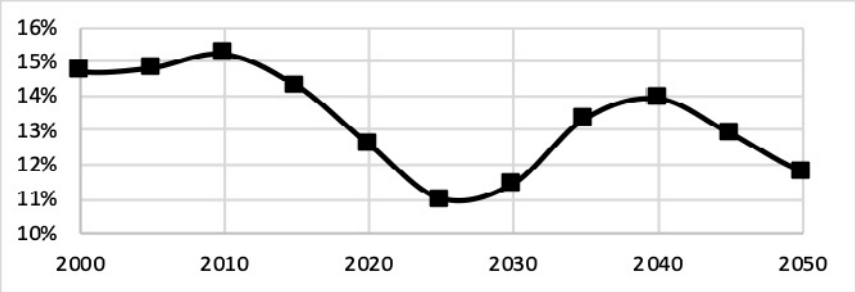

Рис. 21. Доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в общей численности населения в Грузии с 2000 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

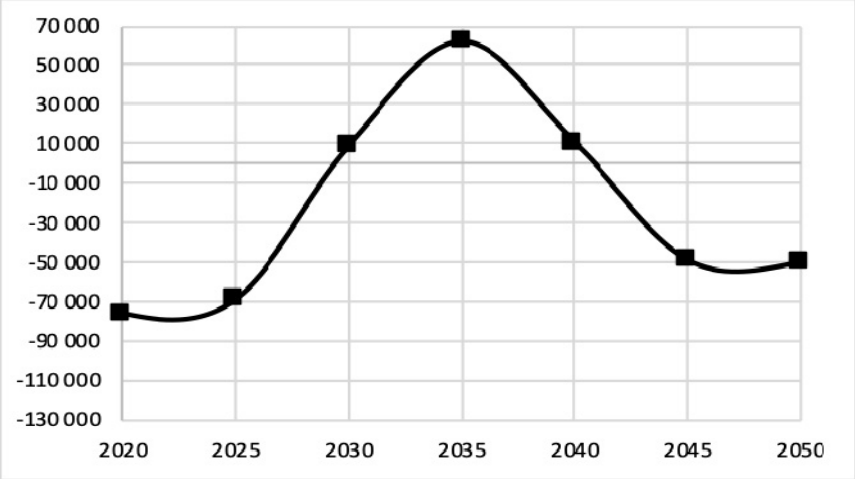

Рис. 22. Прогноз динамики темпов прироста численности молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в Грузии на период до 2050 г., в пересчете на 5 лет

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

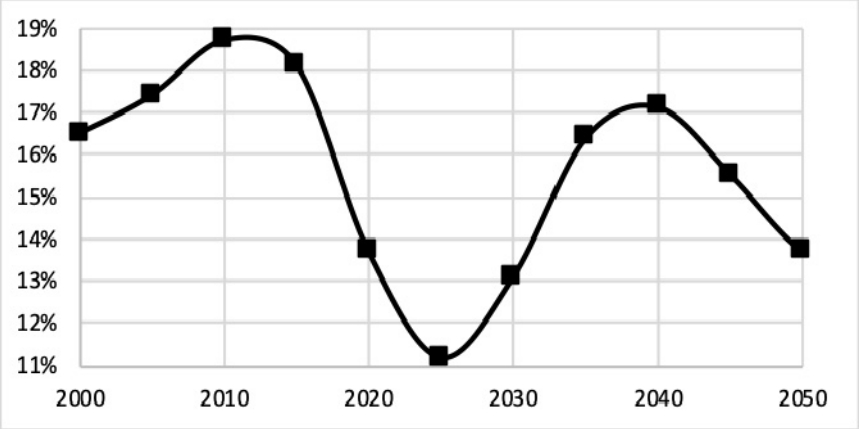

Рис. 23. Доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в общей численности населения в Казахстане с 2000 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

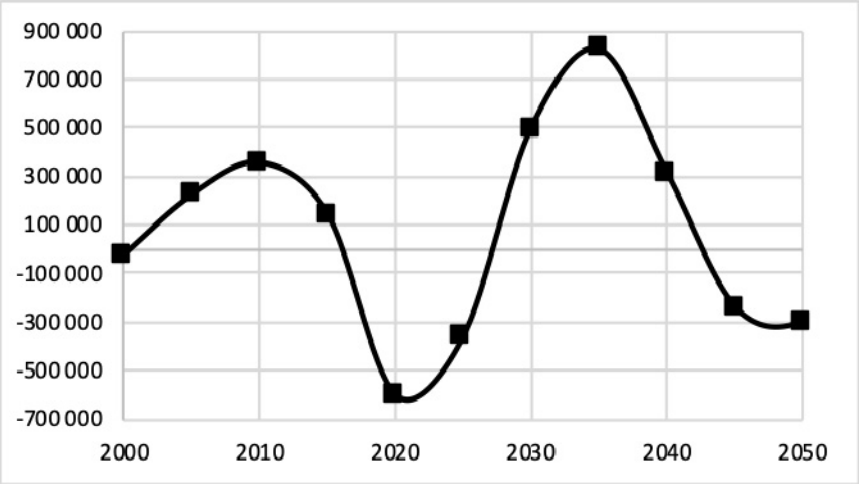

Рис. 24. Динамика темпов прироста численности молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в Казахстане с 2000 по 2020 г., с прогнозом до 2050 г., чел. за 5 лет

Источник: расчеты авторов на основе базы данных Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

Отметим, наконец, очень выраженный «молодежный бугор», прогнозируемый в России на 2030-е гг. (см. Рис. 25–26):

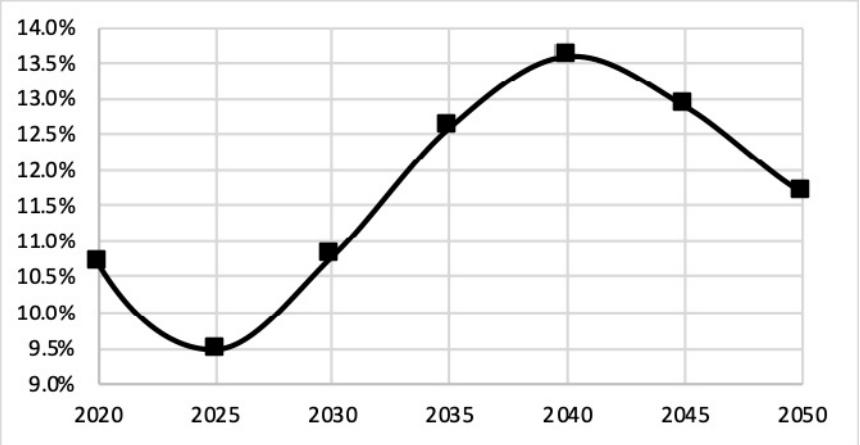

Рис. 25. Доля молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в общей численности населения в России с прогнозом от 2020 до 2050 г.

Источник: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

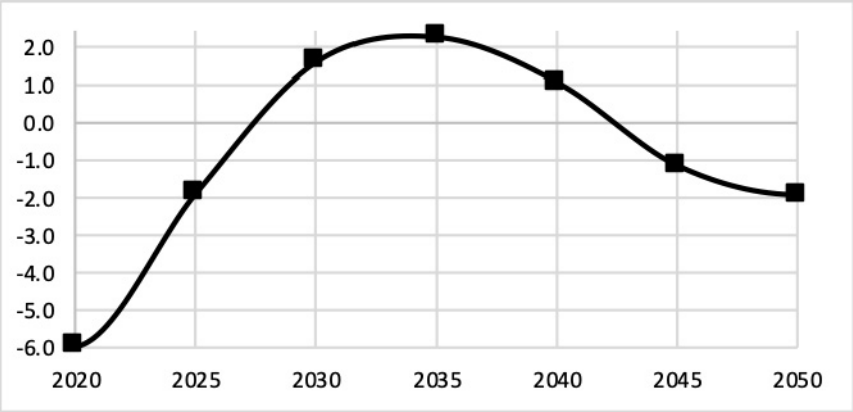

Рис. 26. Динамика темпов прироста численности молодежи в возрасте от 20 до 29 лет в России с прогнозом от 2020 до 2050 г., млн за 5 лет

Источник: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (*Ibid.*).

При этом в России темпы роста численности молодежи в возрасте 15–29 лет выйдут на пик уже к 2030 г. (см. Рис. 27):

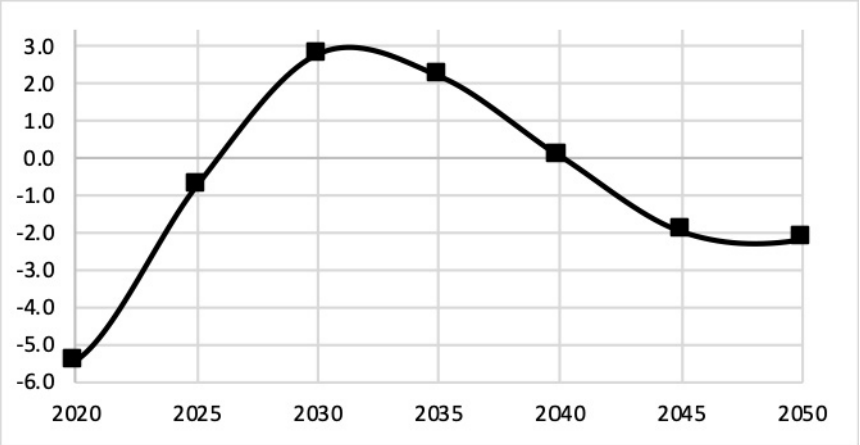

Рис. 27. Динамика темпов прироста численности молодежи в возрасте от 15 до 29 лет в России с прогнозом от 2020 до 2050 г., млн за пятилетие

Источник: расчеты авторов на основе данных среднего прогноза Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2020).

Заключительное замечание

Нельзя, конечно, не отметить, что сам по себе «молодежный бугор» является не очень надежным предиктором социально-политической дестабилизации (см., например: Weber 2019). Однако «молодежный бугор» оказывается достаточно сильным предиктором в сочетании, скажем, с ухудшением экономической ситуации (Urdal 2006), критически высоким уровнем безработицы (Weber 2019), экономического неравенства (Urdal 2008) или коррупции (Farzanegan, Witthuhn 2017) – притом, что ни для одной из упоминавшихся выше стран (включая, кстати, и Россию) нельзя быть полностью уверенными в том, что в них в годы выхода «молодежных бугров» на пиковые значения не будет наблюдаться что-то из перечисленного (либо даже одновременно и ухудшение экономической ситуации, и высокие уровни безработицы, экономического неравенства, а также коррупции)…

Библиография

Абенова К. А., Ибрагимова С. А. 2015. Факторная зависимость рождаемости в Казахстане. *Математическое моделирование в экономике, управлении, образовании* / Ред. Ю. А. Дробышев, И. В. Дробышева. СПб.: Эйдос. С. 3–7.

Архангельский В. Н., Божевольнов Ю. В., Голдстоун Д., Зверева Н. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Малков А. С., Рыбальченко С. И., Рязанцев С. В., Стек Ф., Халтурина Д. А., Шульгин С. Г., Юрьев Е. Л. 2014. *Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии.* М.: Ин-т научно-общественной экспертизы – РАНХиГС при Президенте РФ – Рабочая группа «Семейная политика и детство» Экспертного совета при Правительстве РФ.

Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Шульгин С. Г. 2017. Современные тенденции рождаемости в России и влияние мер государственной поддержки. *Социологические исследования* 3: 43–50.

Васильев А. М., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Следзевкий И. В., Сухов Н. В., Малков С. Ю., Хаматшин А. Д. 2014. *Демографические предпосылки арабского кризиса и социально-демографические риски Тропической Африки. Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 29–55.

Вишневский А. Г. 2006 (Ред.). *Демографическая модернизация России: 1900–2000*. М.: Новое изд-во.

Гринин Л. Е. 2020. Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрозоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков:* ежегодник. Т. 11 / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 181–199.

Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2013*а*. Моделирование влияния распространения среднего образования на сценарии социально-демографической динамики Танзании. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 40: 70–74.

Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. 2013*б*. Социально-экономическое развитие и прогноз структурно-демографических рисков стран Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда). *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность* 1: 105–118.

Зинькина, Ю. В., Коротаев, А. В. 2017. *Социально-демографическое развитие стран Тропической Африки: Ключевые факторы риска, мо-*

дифицируемые управляющие параметры, рекомендации. М.: Ленанд/ URSS.

Коротаев А. В. 2015. Глобальный демографический переход и фазы дивергенции-конвергенции центра и периферии Мир-Системы. *Вестник Института экономики РАН* 1: 149–162.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011*а*. Египетская революция 2011 г. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011*б*. Египетская революция 2011 года: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.

Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2012*а*. Структурно-демографические факторы «арабской весны». *Протестные движения в арабских странах. Предпосылки, особенности, перспективы* / Ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–40.

Коротаев А. В., Зинькина, Ю. В. 2012*б*. Тропическая Африка в мальтузианской ловушке? К моделированию и прогнозированию социально-демографического развития Африки южнее Сахары. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 38: 77–79.

Коротаев А. В., Зинькина, Ю. В. 2013. Как оптимизировать рождаемость и предотвратить гуманитарные катастрофы в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня* 4: 28–35.

Коротаев А. В., Зинькина, Ю. В. 2014. О снижении рождаемости как условии социально-экономической стабильности в наименее развитых странах. *Мировая динамика: закономерности, тенденции, перспективы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М: Красанд/URSS. С. 243–263.

Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.

Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012. К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток *versus* Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 337–386.

Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. 2012. Социально-демографический анализ Арабской весны. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков:* ежегодник. Т. 3. *Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 28–76.

Рахметова, Р. У., Абенова К. А. 2018. Динамика рождаемости в Казахстане: тренды и вызовы. *Social and Economic Problems of Modern Society*. Prague: Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ. Pp. 55–60.

Филин Н. А. 2015. *Неудавшаяся революция цвета ислама. Причины подъема и упадка Зеленого движения в Иране*. М.: URSS.

Ходунов А. С. 2014. Иран: политико-демографическое развитие как фактор стабильности и потрясений. *Азия и Африка сегодня* 7: 26–30.

Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012. Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков:* ежегодник. Т. 3. *Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 463–507.

Arkhangelsky V., Bogevolnov Yu., Goldstone J., Khaltourina D., Korotayev A., Malkov A., Novikov K., Ryazantsev S., Rybalchenko S., Shulgin, S., Steck P., Yuriev Y., Zinkina J., Zvereva N. 2015. *Critical 10 Years. Demographic Policies of the Russian Federation: Successes and Challenges.* Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).

Assaad R., Krafft C. 2013. *The Evolution of Labor Supply and Unemployment in the Egyptian Economy: 1988–2012*. Cairo: Economic Research Forum (ERF working paper series 806).

Assaad R., Krafft C. 2015. The Structure and Evolution of Employment in Egypt: 1998–2012. *The Egyptian Labor Market in an Era of Revolution* / Ed. by R. Assaad, C. Krafft. Oxford: Oxford University Press. Pp. 27–51.

Braungart R. G. 1984. Historical Generations and Generation Units – A Global Pattern of Youth Movements. *Journal of Political & Military Sociology* 12(1): 113–135.

Caldwell J. C., Caldwell B. K., Caldwell P., McDonald P. F., Schindlmayr T. 2006. *Demographic Transition Theory*. Dordrecht: Springer.

Chesnais J. C. 1992. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Clarendon Press.

Cincotta R. P. 2008. Half a Chance: Youth Bulges and Transitions to Liberal Democracy. *Environmental Change and Security Program Report* 13: 10–18.

Collier P., Hoeffler A. 2004. Greed and Grievance in Civil War. *Oxford Economic Papers* 56(4): 563–595.

Courbage Y. 2015. The Political Dimensions of Fertility Decrease and Family Transformation in the Arab Context. *DIFI Family Research and Proceedings* 3: 1–16.

Dyson T. 2010. *Population and Development. The Demographic Transition*. London: Zed Books.

Farzanegan M. R., Witthuhn S. 2017. Corruption and Political Stability: Does the Youth Bulge Matter? *European Journal of Political Economy* 49: 47–70.

Fuller G. E. 2004. *The Youth Crisis in Middle Eastern Society*. Clinton Township: Institute of Social Policy and Understanding.

Goldstone J. A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.

Goldstone J. A. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–21.

Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. 2015. Research into Global Ageing and Its Consequences. *History & Mathematics* 5: *Political Demography & Global Ageing* / Ed. by J. A. Goldstone, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: 'Uchitel' Publishing House. Pp. 5–9.

Gould W. T. S. 2009. *Population and Development*. London: Routledge.

Goujon A., Al Zalak Z. 2018. Why has Fertility been Increasing in Egypt? *Population & Societies* 551(1): 1–4.

Goujon A., Lutz W., KC S. 2015. Education Stalls and Subsequent Stalls in African Fertility: A Descriptive Overview. *Demographic Research* 33: 1281–1296.

Grinin, L., Korotayev, A., Tausch, A. 2019. *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer.

Heinsohn G. 2003. *Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli.

Huntington S. P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY: Simon & Schuster.

Kebede E., Goujon A., Lutz W. 2019. Stalls in Africa's Fertility Decline Partly Result from Disruptions in Female Education. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 116(8): 2891–2896.

Korotayev A., Goldstone J. A., Zinkina J. 2015. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence. *Technological Forecasting and Social Change* 95: 163–169.

Korotayev A., Zinkina J. 2014. How to Optimize Fertility and Prevent Humanitarian Catastrophes in Tropical Africa. *African Studies in Russia* 6: 94–107.

Korotayev A., Zinkina J. 2015. East Africa in the Malthusian Trap? *Journal of Developing Societies* 31(3): 1–36.

Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011. A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.

LaGraffe D. 2012. The Youth Bulge in Egypt: An Intersection of Demographics, Security, and the Arab Spring. *Journal of Strategic Security* 5(2): 65–80.

Lutz W., Goujon A., KC S. 2015. *The Link between Structural Adjustment Programs, Education Discontinuities and Stalled Fertility in Africa*. IIASA Interim Report IR-15-007. Laxenburg: IIASA.

Mesquida C. G., Wiener N. I. 1996. Human Collective Agression: A Behavioral Ecology Perspective. *Ethology and Sociobiology* 17(4): 247–262.

Moller H. 1968. Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10(3): 237–260.

Nordås R., Davenport C. 2013. Fight the Youth: Youth Bulges and State Repression. *American Journal of Political Science* 57(4): 926–940.

Preston S. H. 1979. Urban Growth in Developing Countries: A Demographic Reappraisal. *Population and Development Review* 5(2): 195–215.

Radovich E., el-Shitany A., Sholkamy H., Benova L. 2018. Rising up: Fertility Trends in Egypt before and after the Revolution. *PLoS ONE* 13(1): e0190148. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0190148.

Turchin P. 2013. Modeling Social Pressures Toward Political Instability. *Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 4(2): 241–280.

Turchin P. 2016. *Ages of Discord: A Structural-demographic Analysis of American History*. Chaplin, CT: Beresta.

Turchin P., Korotayev A. 2020. The 2010 Structural-demographic Forecast for the 2010–2020 Decade: A Retrospective Assessment. *PLoS ONE* 15(8). URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0237458.

UN Population Division. 2020. *United Nations Populations Division Database.* New York, NY: United Nations. URL:https://population.un.org/wpp/Download/.

Urdal H. 2004. *The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000*. Washington, DC: World Bank.

Urdal H. 2006. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. *International Studies Quarterly* 50(3): 607–629.

Urdal H. 2008. Population, Resources, and Political Violence: A Subnational Study of India, 1956–2002. *Journal of Conflict Resolution* 52(4): 590–617.

Van Raemdonck A. 2015. Challenging Global Gender Politics: Egypt's Islamist Experience. *Institutionalizing Gender Equality: Historical and Global Perspectives* / Ed. by Yu. Gradskova, S. Sanders. London: Lexington Books. Pp. 243–272.

Weber H. 2013. Demography and Democracy: the Impact of Youth Cohort Size on Democratic Stability in the World. *Democratization* 20(2): 335–357.

Weber H. 2019. Age Structure and Political Violence: a Re-assessment of the "Youth Bulge" Hypothesis. *International Interactions* 45(1): 80–112.

World Bank. 2020. Total Fertility Rate. *World Development Indicators.* Washington, D.C.: World Bank. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.TFRT.IN.

Yair O., Miodownik D. 2016. Youth Bulge and Civil War: Why a Country's Share of Young Adults Explains Only Non-ethnic Wars. *Conflict Management and Peace Science* 33(1): 25–44.

Zinkina, J., Korotayev, A. 2014*a*. Explosive Population Growth in Tropical Africa: Crucial Omission in Development Forecasts (Emerging Risks and Way out). *World Futures* 70(4): 271–305.

Zinkina J., Korotayev A. 2014*b*. Projecting Mozambique's Demographic Futures. *Journal of Futures Studies* 19(2): 21–40.